

Ирецкий В. Я. Воспоминания о Н. С. Гумилеве / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Н. В. Снытко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. -- М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. -- С. 205--211. -- [Т.] I.
<http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-205-.htm>

Воспоминания В. Я. Ирецкого о Н. С. Гумилеве

Имя беллетриста Ирецкого (Виктора Яковлевича Гликмана) (1882--1936) -- автора воспоминаний о Н. С. Гумилеве -- знакомо лишь узкому кругу литературоведов. Ирецкий начал печататься в 1906 г. и ничем не выделялся среди многочисленной пишущей братии начала XX века. Особого таланта судьбой ему отпущено не было, но работоспособность, целеустремленность, деловитость помогали ему держаться на уровне среднего писателя, отмеченного, впрочем, в 1910 г. Гоголевской премией Общества любителей российской словесности. Сотрудничая в бесчисленном множестве газет и журналов того времени -- "Вестнике Европы", "Речи", "Современном Мире", "Солнце России", "Сатириконе" и других, он помещал там статьи, рецензии, очерки на злобу дня, рассказы. В 1916 и 1921 гг. в Петрограде вышли сборники его рассказов "Суета" и "Гравюры".

В 1918 г. Ирецкий вместе с Н. Волковыским и Б. Харитоном принял участие в основании "Дома Литераторов", где встречались и подкармливались в те голодные годы петроградские писатели и поэты. Посещал "Дом Литераторов" и Гумилев.

В 1922 г. учредители "Дома Литераторов" в составе группы интеллигентов, отобранных по малопонятному признаку, были высланы из Советской России. Ирецкий, Волковыский и Харитон оказались в Берлине. Свободно владевший немецким языком Ирецкий развил в Берлине бурную деятельность: активно участвовал в создании "Союза русских журналистов и писателей", стал членом "Немецко-русского товарищества", "Союза немецких писателей и композиторов", принимал участие в работе русских издательств в Берлине и Париже, сотрудничал в русских эмигрантских газетах "Россия", "Звено", "Возрождение", "Дни", "Руль", "Сегодня", "Наш Век", выходивших в Берлине, Париже и Риге. Казалось, дела его шли неплохо, во всяком случае лучше, чем у многих российских литераторов в эмиграции. Но Ирецкий проглядел надвигающуюся опасность. Берлин постепенно, но со все возрастающей быстротой "коричневел". Друзья по эмиграции благоразумно и своевременно разъехались кто куда. Ирецкий остался. Было ему всего лишь 54 года. Причина его смерти осталась невыясненной. Оснований предполагать, что он окончил жизнь в концлагере, не имеется. Свою национальность Ирецкий скрывал, и среди товарищей по изгнанию предателей, кажется, не было.

Архив Ирецкого (в составе материалов Русского заграничного исторического архива) был привезен в Москву из Праги после окончания второй мировой войны. Находящиеся в нем воспоминания о Гумилеве были написаны в 1931 г. в Берлине. Ирецкий бережно хранил в своей памяти встречи и разговоры с Гумилевым. Но следует сказать, что упоминаемую им в воспоминаниях "Петроградскую правду" Ирецкий, очевидно, не читал. Гумилев был арестован 3 августа 1921 г., а 1 сентября в "Петроградской правде" было опубликовано официальное сообщение "О раскрытом в Петрограде заговоре против советской власти", и там, в перечне расстрелянных, значится имя Гумилева: "Гумилев Николай Степанович, 33 л. {Н. С. Гумилеву было в ту пору 35 лет.}, б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии "Издательства Всемирной Литературы", беспартийный, б. офицер. Участник ПБО {Петроградская Боевая Организация, якобы возглавлявшаяся В. Н. Таганцевым.}, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности".

Доказывать что-либо о принадлежности Гумилева к заговору, само существование которого вызывает сомнение, -- не наша задача. Нам остается лишь сказать спасибо Ирецкому за то, что он понял, какого поэта потеряла в 1921 г. Россия.

23 года назад. 1908-й год. В редакции появляется очень странный -- для редакции русской газеты -- человек. Он в цилиндре, в белых лайковых перчатках. Он весь напружиненный, накрахмаленный, надменный. Это бросается в глаза еще и потому, что он очень некрасив. Даже уродлив. С безжизненно спокойным лицом, растягивая слова, он произносит первую же фразу с дикцией и отчетливостью декламатора. Речь идет о том, что он принес библиографическую заметку о чьих-то стихах. Небольшую